

ная неповторимость судеб выведенных им лиц, а убедительность, «не лживость» их необходимого поведения в очерченных повествователем положениях. Собственно, даже появление в середине 1850-х годов у некрасовских персонажей имен качественно не меняет названной творческой установки поэта на типологическое обобщение — эти имена призваны не индивидуализировать, а типизировать героя,¹⁴ выступая как знаки указания на его социальный статус (Груша, Ванюха, Таня, Влас, Трофим, Калистрат, Орина, Ермолай, Катерина; Федя-солдатик; Бобров Гавриил, Рудометов 2-й) или на характер психологической дистанции между персонажами (Надя, Маша, Глаша, Саввушка, Еремушка, Гришутка, Марьюшка, Дарьюшка, Касьяновна, Протасьевна, Власьевна).

Выводимые в стихах Некрасова персоналии из народной среды традиционно трактуются как социальные типы, носители исторической судьбы¹⁵ или — в ряде некрасовских шедевров — как типические характеры.¹⁶ Вполне признавая оправданность репрезентирующих аспектов взгляда на реалистически выстроенных некрасовских героев, в рамках предлагаемого нами эстетического ракурса проблемы хотелось бы, однако, акцентировать то обстоятельство, что эти герои являют собой именно контрромантическую антропологическую модель — все того же «человека повседневности», человека, так сказать, исторической, социальной, психологической рутины.

Вместе с тем реализуемое поэтом художественное задание в данном случае оказывается решительно иным, нежели то, каким оно было в некрасовской сатире. Принадлежность персонажа к сфере жизненной рутины здесь перестает быть предметом порицания. Она становится поводом к выявлению свидетельств неизбежности и закономерности («судеб повинуюсь закону...») предписанной человеку социальной судьбы. И в своем художественно-объективированном воплощении (персонаж-объект в своей судьбе, характере и слове охватывается и завершается словом повествователя¹⁷), и в качестве свидетеля собственной жизни (персонаж-субъект сам явлен как перспектива повествующего сознания¹⁸) герой некрасовской лирики демонстрирует, что жизненная рутина и есть *реальное пространство, процесс, условия* его существования и жизнедеятельности. Причем обнаруживает он это независимо от того, явлены ли последние нам как очередной акт в бесконечной цепи аналогичных типовых актов,¹⁹ как крайнее следствие логики

¹⁴ Несомненно, в поэзии Некрасова есть и будто бы совершенно противоположный подход — тенденция возвеличения подлинных героев. О том, что эта тенденция действительно значит в русле исследуемой проблематики, речь пойдет ниже. Сейчас же отметим, что и высокие «герои» представляемы поэтом не как конкретные личности и индивидуализированные характеры (даже в случае адресации текста реальному деятелю), но как человеческие эталоны и образцы для подражания. См., например, такие стихотворения Некрасова, как «Поэт и гражданин» (образ Гражданина), «Н. Ф. Крузе», «Памяти Добролюбова», «Медвежья охота» (гимны Белинскому и Грановскому), «Кузнец», «Пророк», «Поэту (Памяти Шиллера)», «Сеятелям», «Молебен». Кроме того, целый ряд их представлен реальными или потенциальными жертвами случаев жизненной пошлости и рутины, например стихотворения «Памяти Белинского», «Поэт и гражданин» (образ Поэта), «На смерть Шевченко», «Рыцарь на час», «Не рыдай так безумно над ним...», «Уныние», «Отъезжающему», «Отрывок (Я сбросила мертвящие оковы...)», «Молодые лошади», «Праздному юноше».

¹⁵ См., например: *Еголин А. М.* Некрасов и поэты-демократы 60—80-х годов XIX века. М., 1960. С. 34 и далее. Ср. также: *Степанов Н. Л.* Н. А. Некрасов: Жизнь и творчество. 2-е изд., доп. М., 1971. Гл. 3—7.

¹⁶ *Корман Б. О.* Указ. соч. Раздел «Социальность».

¹⁷ *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 14.

¹⁸ *Тамарченко Н. Д.* Компонент и композиция. Точка зрения и перспектива // Теория литературы: В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Разд. 2. Гл. 2. § 1. С. 221.

¹⁹ См. некрасовские стихотворения «Вино», «Забытая деревня», «Эй, Иван» и др.